

Национализм и цинизм в политике: есть ли противоречие?

В работах о России нередко приходится читать, что политика здесь — торжество цинизма: всё продается, власть имущие грубо пренебрегают общественным мнением, а политиков не интересует ничего, кроме власти и обогащения, которых они добиваются путем репрессий и коррупции¹. В трудах других авторов утверждается, что власть в России основана на твердых принципах и — по крайней мере, отчасти — движима националистическими устремлениями: ее целью является восстановить национальную гордость и вернуть себе былой статус, а, возможно, также и территории, ранее принадлежавшие СССР и Российской Империи². Если мы предположим, что каждая из этих точек зрения хотя бы отчасти отражает какую-то сторону политического процесса в России, то складывается любопытная мозаика. Как все это может сочетаться? Другими словами, как такой твердый принцип, как национализм, может играть важную роль в политической системе, где все пронизано коррупцией, а выборы полностью контролируются государственной политической машиной?³

В настоящей статье утверждается, что, если мы хотим понять, как и почему российское руководство оказывается под влиянием таких идей, как национализм, необходимо учитывать логику политического феномена, который в более ранних работах я назвал “па-

трональным президентством”. Оказывается, что даже те президенты, которые добиваются победы на выборах путем манипуляций, насилия и фальсификаций, рискуют потерять власть в том случае, если начинают терять общественную поддержку, а национализм — как раз один из способов обеспечить поддержку общества. Отношения между национализмом и политической поддержкой в России, однако же, не столь просты, поскольку здесь существуют как минимум две основных разновидности национализма, которые не готовы мирно уживаться друг с другом. По этой причине президент Владимир Путин вплоть до 2014 года, обеспечивая себе широкую общественную поддержку, не разыгрывал националистическую карту, оставляя это своим оппонентам. Аннексия Крыма – дерзкий шаг, совершив который Путин впервые использовал национализм как важнейший ресурс собственной власти, хотя шаг этот сработал исключительно потому, что крымский гамбит оказался одним из немногих возможных ходов, который смогли с энтузиазмом поддержать российские националисты практически любых мастей. Теперь, когда история с Крымом уходит в прошлое, многообразие российского национализма создает новые проблемы для власти.

Патрональное президентство

Для понимания сути российской политики важно учитывать, что политические процес-

* Данная статья, а также работы Пола Колсто, Хельге Блаккисруда, Марлен Ларюэль и Александра Верховского, основана на исследованиях в рамках международного проекта NEORUSS, осуществленного при поддержке Норвежского научного совета.

сы разворачиваются в контексте, где большую роль играет *патронализм*.

Патронализм — это устойчивая модель взаимодействия внутри социума; ее суть в том, что главным средством для достижения политических и экономических целей является система персонализированных поощрений и наказаний, распределяющихся по цепочке личных знакомств, а не некие общие внеличные принципы, идеологии или идентичности⁴. Как правило, для патроналистского общества характерны несоблюдение принципа верховенства закона, высокий уровень коррупции и широкое распространение патрон-клиентских отношений.

Одна из главных отличительных черт политического процесса в обществе с высоким уровнем патронализма — то, что основными акторами здесь являются не формальные институты, такие как “партии” или “парламент”, но обширные *сети* личных связей, пронизывающие, как правило, множество формальных институтов одновременно. В России самые важные сети обычно принадлежат к одной из трех категорий: сети, возглавляемые “олигархами”, сети, организованные внутри региональных политических машин, и сети, связанные с разными ветвями государственной власти. Среди последних наиболее влиятельными в настоящее время, конечно, являются сети, связанные лично с Владимиром Путиным. Тот, кто контролирует эти сети, контролирует и всю страну.

Основная задача любого президента в таком случае — добиться того, чтобы все эти сети взаимоотношений работали на него (или на нее); по меньшей мере, необходимо, чтобы они не действовали против. Это серьезный вызов. Если важнейшие сети общества отказываются повиноваться лидеру, это создает для него очень серьезную угрозу. Но если все эти сети действуют в его интересах, то такой лидер обладает огромной властью. Таким образом, патрональное президентство — это система, в которой президент обладает не только огромными полномочиями, закрепленными за ним конституцией, но и колоссальным неформальным влиянием на политический процесс — посредством своих сетевых связей. Например, хотя в конституции записано,

что СМИ свободны, патрональный президент обычно может без труда обеспечить, чтобы против критически настроенных СМИ были поданы иски со стороны “обычных граждан” из его личных сетей, а судьи, также связанные с президентскими сетями, признали эти СМИ виновным в клевете, экстремизме или других преступлениях. В результате благодаря таким сетевым ресурсам патрональные президенты могут допускать существование оппозиционных политиков и партий и даже позволять им выдвигать свои кандидатуры на выборах, при этом располагая надежными средствами для того, чтобы гарантировать их поражение.

Стабильность таких систем обеспечивает тот факт, что самые сильные сети страны, а главное, управляющие ими “элиты” ожидают, что президент будет оставаться у власти еще очень долгое время. Исследования показали, что элиты часто обращаются к общественному мнению как к надежному индикатору того, сможет ли президент долго оставаться у власти или же контролировать процесс передачи власти, если она произойдет⁵. Это действует даже в тех случаях, когда никто не ожидает, что выборы будут честными и справедливыми. Во-первых, требуется много усилий и ресурсов, чтобы фальсифицировать голоса в случае участия в выборах более популярного противника — так что кандидат, который меньше нуждается в фальсификациях, обладает преимуществом. Кроме того, если официальный подсчет голосов откровенно противоречит тому, что представляется мнением большинства, проигравшему становится легче вывести своих сторонников на улицы, а это предвещает массовые протесты, несущие более серьезную угрозу. Соответственно, подавление восставших тем более затратно для организаторов фальсификаций, чем более восставшие убеждены в своей правоте. Издержки могут оказаться столь велики, что войска просто откажутся выполнять приказ о подавлении протестов. Другими словами, общественная поддержка — это важный ресурс, который может быть задействован патроналистскими сетями в борьбе с политическими противниками. А это означает, что участники других сетей с большей вероятностью станут рассматривать потенциальных патронов,

также пользующихся общественной поддержкой, как возможных победителей. Что, в свою очередь, может побудить этих участников примкнуть к новым патронам, отчего их общие шансы на успех окажутся еще выше.

Если коротко, общественная поддержка — это важнейший стабилизатор политической машины. Ясно, что Кремль осознает это и придает особую важность рейтингам Путина — так что один из комментаторов даже назвал режим в России при Путине “рейтингократией”⁶.

Это начало ответа на вопрос, поставленный в первых строках статьи. Национализм может помочь стабилизировать политический процесс, если он способен укрепить общественную поддержку властной верхушки. Но действительно ли национализм в России играет такую роль?

Роль национализма в политической стратегии Путина

Национализм, по определению, предложенному Эрнестом Геллнером, — это “политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать”⁷. С этой точки зрения, существует много разновидностей национализма, и аналитики для удобства различают два основных вида, характерных для России⁸. Первый — это национализм, основанный на идее этнической чистоты русских. С позиций такого национализма, для гармоничных отношений между нацией и государством потребовалось бы очистить Россию от нерусских элементов и, возможно, включить в единое государство этнических русских, живущих за пределами страны. Второй вид — это русский национализм, открыто декларирующий принцип многонациональности; соответствующее определение “русской нации” значительно шире и обычно включает в себя некоторые или все этнические группы, имеющие давние исторические связи с русским государством, империей, культурой, историей или территорией. Если доводить эту концепцию до логического предела, то государственное строительство на основе такого представления о нации может

способствовать толерантному отношению не только к этническому разнообразию внутри России, но и к некоторой форме реинкорпорации “русских” (в широком понимании) земель, в настоящее время не входящих в состав российского государства. Можно заметить, что вплоть до 2014 года Путин особо не использовал ни тот, ни другой тип национализма для привлечения общественной поддержки, хотя в целом считалось, что многонациональный национализм ему, видимо, ближе, чем этнически эксклюзивный. В 2014 году Путин сумел заручиться поддержкой националистов обоих типов, однако уже к 2015 году стали очевидны внутренние противоречия между ними.

Национализм в период прихода Путина к власти и роста его популярности

Приход Путина к власти в 1999–2000 годах был результатом общественной поддержки, хотя среди факторов его привлекательности для граждан национализм в том смысле, в котором мы употребляем этот термин в данной статье, играл незначительную роль. Глядя на могущество Кремля в 2014 году, легко забыть, что еще в августе 1999 года, по данным опросов, всего 2% поддерживали Путина в президентской гонке, а фаворитами в тот момент считались оппозиционные силы, возглавляемые бывшим премьер-министром Евгением Примаковым и московским мэром Юрием Лужковым. Событием, повернувшим ход истории в пользу Путина, стал радикальный сдвиг общественного мнения в результате трагических происшествий в России в сентябре 1999 года: в двух больших многоквартирных домах в Москве взорвались заложенные террористами бомбы. Теракты произошли и в других городах — в общей сложности погибло около трехсот мирных граждан. Путин немедленно обвинил в случившемся чеченских боевиков и отдал приказ о начале масштабной военной операции, которая практически сравняла с землей столицу Чеченской Республики и повлекла за собой огромные людские потери.

Рейтинги Путина среди населения во время президентской гонки взлетели с 4%, по

данным достоверных сентябрьских опросов, до более чем 50% в декабре. Увидев, что Путин явно победит даже на совершенно свободных и честных президентских выборах, большая часть олигархов и региональных политических машин перешла из оппозиции на сторону Путина. Ельцин использовал сложившуюся ситуацию и досрочно сложил с себя президентские полномочия, в результате чего Путин стал исполняющим обязанности президента, выборы прошли досрочно — и в марте 2000 года Путин без труда одержал победу.

Некоторые объясняли приход Путина к власти тем, что он сумел использовать резко возросший спрос на национализм, однако совокупность фактов говорит о том, что не национализм привлекал людей в Путине в первую очередь. Во-первых, национализм не объясняет, почему избиратели предпочли Путина Примакову с его твердой репутацией защитника широко понимаемой русской нации от внешней угрозы или Лужкову, который уже давно призывал к возвращению Севастополя России — лозунги, которые Путин и его кремлевская группа поддержки не позволяли себе в то время⁹. Когда Примаков и Лужков перестали быть конкурентами Путина, его главным соперником стал лидер Коммунистической партии Геннадий Зюганов, широко известный своей националистической позицией¹⁰. Не менее важно и то, что Путин обосновывал свои действия в Чечне не националистическими мотивами (в том смысле, в каком это слово употребляется здесь). Напротив, эти действия были представлены как операция по борьбе с “терроризмом” и “бандформированиями”¹¹. Путин обвинял не чеченцев как нацию, а лишь конкретных лиц, ответственных за преступления, а также коррумпированных или некомпетентных руководителей республики, которые оставляли преступникам свободу действий или даже оказывали им поддержку. В своих речах Путин всегда последовательно избегал формулировок, которые могли подразумевать исключение чеченцев из состава российской нации¹².

Судя по всему, именно так большинство граждан России и интерпретировало действия Путина, несмотря на то, что многие в России разделяли националистические взгля-

ды. Согласно опросам, проведенным вскоре после терактов в сентябре 1999 года ВЦИОМ, уважаемым статистическим агентством, чьи ведущие сотрудники впоследствии основали Левада-Центр, только 10–11% населения России связывали террористов и тех, кого считали виновными в организации взрывов в домах, с правительством Чечни. Напротив, как показали данные ВЦИОМ, большинство хотело наказания именно для преступников, ответственных за теракты, а не для всего чеченского народа¹³. Граждан России больше всего тревожила реальная угроза терроризма и криминала, исходящая от таких чеченских преступников. Россияне, в действительности, хотели прагматичного подхода к борьбе с этими угрозами — примечательно, что на тот момент 53% опрошенных охотно согласились бы на отделение Чеченской Республики, 14% сказали, что не возражали бы против такого решения, а еще 12% были настроены против такой меры, но готовы были бы с ней смириться¹⁴.

Таким образом, в целом данные свидетельствуют о том, что изначальная волна поддержки Путина осенью 1999 года была связана главным образом с его *лидерскими качествами*, а не с национализмом. Наконец, после десяти лет упадка, дестабилизации и правления президента, который нередко появлялся на публике нетрезвым и неработоспособным, появился энергичный лидер, готовый дать решительный отпор тем силам, которые, по мнению огромного числа россиян, представляли серьезную и непосредственную угрозу их жизни. Когда в ходе другого опроса, проведенного в октябре 1999 года, был задан вопрос о том, что людям нравится в Путине (с несколькими вариантами ответа), наиболее частым (41%) было то, что он “волевой и решительный”. Интересно, что это число куда выше, чем процент опрошенных, заявивших, что им нравится Путин из-за его действий в Чечне (24%), хотя на тот момент единственным проявлением его лидерских качеств были именно его *действия в Чечне*. Другие популярные ответы включали в себя такие качества, как способность наводить порядок, и личные характеристики — опытность, внешность, управленческий стиль, принци-

пиальность и честность¹⁵. Таким образом, хотя Путин несомненно в какой-то степени придерживался националистических взглядов, в глазах россиян национализм не был тем свойством, которое отличало его от других известных лидеров, и не национализм стал причиной той мощной волны общественной поддержки, которая в итоге помогла стабилизировать политическую систему в России после дестабилизации 1990-х годов.

Популярность Путина в 2000–2009 годах: новые источники поддержки

Хотя изначально Путин завоевал президентское кресло в основном благодаря своим лидерским качествам, проявленным в ответ на теракты 1999 года в России, вскоре у него появились новые источники поддержки. Одним из наиболее важных факторов стало экономическое развитие. Хотя возобновление экономического роста началось в России несколько раньше, чем Путин пришел к власти, он, несомненно, сумел воспользоваться плодами восстановления национальной экономики, произошедшего в основном (но не исключительно) из-за высоких мировых цен на экспортируемые Россией энергоносители¹⁶. Другие исследования указывают на некоторые дополнительные причины поддержки Путина. Изучение общественного мнения, к примеру, показало, что его позиция согласуется со взглядами большинства на то, как следует развивать экономику страны (улучшать рыночную экономику, а не возвращаться к социализму), и с общей политической ориентацией — чуть смещенной вправо от центра. Кроме того, популярность Путина повышала поддержку партии “Единая Россия” — политической машины, созданной Путиным и поглотившей коалицию “Отечество — вся Россия”¹⁷.

Те же исследования, однако, не обнаружили тесной связи между привлекательностью Путина в глазах российского населения и его националистическими идеями; также не было данных, которые свидетельствовали бы о том, что с точки зрения потенциальных избира-

телей подобные взгляды выделяют его среди других политических деятелей: в публичных заявлениях большей части российских политиков национализм было никак не меньше, чем у Путина. К примеру, люди, утверждавшие, что голосовали за Путина на выборах, не отличались особым антизападничеством. Более того, в *российском контексте* Путин считался относительно *прозападным* кандидатом; его нередко представляли как человека, который выступает за сотрудничество с Западом, но с осторожностью и на российских условиях. Все это контрастировало со взглядами наиболее популярных политиков и партий из числа тех, кто заявлял об альтернативной позиции: почти все они были настроены куда радикальнее, чем Путин, и во внешней политике, и по национальному вопросу. Это относится и к КПРФ, и к ЛДПР Владимира Жириновского, и к партии “Справедливая Россия”, и даже к некоторым фигурам либерального толка, стоявшим во главе уличного протестного движения, таким как Алексей Навальный¹⁸.

Широкая общественная поддержка помогла Кремлю не только благополучно осуществить передачу власти в 2008 году, когда Путин уступил полномочия своему близкому соратнику Дмитрию Медведеву, заняв место премьер-министра, но и пережить серьезные экономические потрясения 2009 года, связанные с глобальным финансовым кризисом.

Это, конечно, не означает, что национализм в тот период вообще не играл никакой роли. Националистическая риторика часто звучала в период предвыборных кампаний, когда Путин, к примеру, говорил об антиросийски настроенных гражданах, “шакалящих” у иностранных посольств, о том, что западные страны хотят расчленить Россию, и о том, что деятельность западных наблюдателей на выборах имеет целью нанести стране ущерб, а потому в преддверии 2007–2008 годов ее необходимо ограничить¹⁹. Эти высказывания, в которых звучат подозрительность и представление о Западе как о постоянной угрозе, с точки зрения внутренней политики имеют целью перехватить инициативу и аргумент у более националистически настроенных политических оппонентов, а также дискредитировать

западную критику российских выборов и лишить поддержки политическую оппозицию.

**Снижение поддержки Путина и
преемственность власти
как дестабилизаторы режима
в 2009–2012 годах**

Итак, к концу 2000-х годов Путин не особенно нуждался в национализме для решения политических задач; для обеспечения общественной поддержки он в большей мере полагался на другие инструменты, особенно поскольку его основные оппоненты были настроены более националистически, чем он сам. Однако такое положение дел начало меняться, когда по России ударил глобальный финансовый кризис 2008–2009 годов. Многие ожидали, что популярность Путина обрушится, как только в России прекратится экономический рост; но оказалось, что благодаря наличию других источников популярности (включая общее представление, что Путин — “правильный” лидер для России) неконтролируемого падения рейтинга удалось избежать. Тем не менее, рейтинги действительно начали постепенно снижаться, что стало особенно заметно с приближением выборного цикла 2011–2012 годов. Путина даже освистали на спортивном мероприятии, которое транслировалось в прямом эфире перед выборами в Государственную Думу в декабре 2011 года. Новый раунд агрессивной антиамериканской риторики²⁰ не спас положение — тем самым очевидно, что национализм как таковой не обладает волшебными свойствами для обеспечения популярности.

Когда рейтинги значительно упали, пропутинская партия “Единая Россия” начала паниковать. Чтобы получить нужный результат в условиях низкого рейтинга, многие ее члены, очевидно, взялись подтасовывать голоса с куда большим рвением, чем раньше. Но делалось это топорно, и попытки фальсификаций всплывали в интернете; иногда соответствующую информацию размещали бывшие сторонники партии. Когда, по официальным данным, партия Путина получила неправдоподобно высокий процент голосов, в Москве

вспыхнул уличный протест — по числу участников он значительно превысил все политические протесты с начала эры Путина. Большой неожиданностью для режима стало то, кто именно вышел на улицы: это были уже не пенсионеры, в 2005 году протестовавшие против монетизации льгот и периодически мобилизуемые КПРФ; теперь участниками протеста стали жители столицы, нацеленные на успех и благополучие; при том, что ранее они не проявляли интереса к политике. Впрочем, протестующие не имели общих политических убеждений, их объединяло только отвращение к обману и махинациям режима. Здесь были как западно-ориентированные либералы, так и широкий спектр патриотов и националистов, часть которых (как Алексей Навальный) пытались изобрести новую разновидность либерального национализма. Внушительный масштаб протеста и то, что его участники представляли новые, наиболее продвинутые группы российского общества, заставил некоторых наблюдателей заговорить о том, что режим обречен и утратит власть через год или два.

Изначальным ответом властей было ослабление политического контроля и попытка убедить людей в том, что на президентских выборах 2012 года, которые должны были состояться три месяца спустя, в марте, фальсификаций не будет. Многие оппозиционные фигуры, которые давно исчезли с контролируемого государством телевидения (а если и упоминались там, то исключительно в отрицательном контексте), теперь вновь появились на экране в качестве комментаторов или участников ток-шоу; были смягчены законы, ограничивающие регистрацию партий, восстановлены в каком-то виде прямые выборы губернаторов, а веб-камеры, подключенные к онлайн-трансляции, были установлены почти на всех избирательных участках, где предстояло голосование за президента. Главный идейный вдохновитель кремлевской политики, Владислав Сурков, был выведен из администрации президента, а на его место пришел Вячеслав Володин. Эти действия помогли несколько сбросить пар в протестном движении; у многих возникла надежда, что ответом властей на решительные действия внезапно

осознавшего себя “креативного класса” станет политическая оттепель.

Однако реакция Кремля развивалась и в другом направлении: власти начали активный поиск новых источников общественной поддержки. В первую очередь следовало вернуть Путина в кресло президента на мартовских выборах 2012 года. Нужно было, чтобы внимание избирателя вновь сосредоточилось на его личности и стиле руководства (самые главные черты, обеспечивавшие ему поддержку прежде). К этому был добавлен образ “отца нации” — в 2012 году Путину исполнилось шестьдесят лет, а этот образ позволял превратить возраст в преимущество. Такой была стратегия публичной предвыборной кампании Путина; но одновременно сотрудники кремлевской администрации и их союзники приступили к серьезному пересмотру всей системы взаимоотношений государства и общества. Уже утратив значительную часть поддержки в Москве и Санкт-Петербурге, Кремль предпринимал усилия для того, чтобы остановить распространение протестных настроений и оградить жителей остальной части страны от вредного влияния. Власть взяла на вооружение “консервативную” и националистическую риторику, которой раньше старалась избегать и которая должна была не только привлечь сельское население и обитателей малых городов, но и настроить их против урбанизированных жителей крупных городских центров²¹. Раньше Кремль был склонен уходить от этих тем, поскольку они могли расколоть общество — но теперь, когда поддержка горожан была в значительной мере утрачена, провозглашение консервативных и “новых” националистических ценностей могло обеспечить мощную поддержку со стороны остальной части страны, а именно она, в конечном счете, представляла собой большинство.

Этот “консервативный” поворот включал в себя несколько шагов. Одним из первых и особенно заметных стали арест и суд над тремя молодыми женщинами из арт-панковской группы Pussy Riot, получившие широкое освещение в СМИ. Участниц группы привлекли к ответственности за то, что они осквернили Храм Христа Спасителя, исполнив там

“панк-молебен” под названием “Богородица, Путина прогони”. Опросы показали, что большинство населения было склонно согласиться с тем, что Pussy Riot заслуживают наказания²². Это подготовило почву для стремительного принятия целой серии охранительных законов (настолько стремительного, что Думу прозвали “взбесившимся принтером”). Новые законодательные акты были призваны защитить “консервативные” установки Кремля и вторгались в те сферы, которые было легко использовать для разжигания страстей и дальнейшего укрепления общественной поддержки. Один закон был направлен против “пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних”. Другой запрещал оскорбление чувств верующих. После того как правительство США ввело санкции против чиновников, которые, по его мнению, имели отношение к смерти в заключении Сергея Магницкого, юриста, который пытался вести борьбу с коррупцией, а также после трагической гибели в Техасе усыновленного российского ребенка российский парламент запретил американцам усыновлять российских детей, а затем вдобавок наложил запрет на усыновление российских детей геями. Опросы последовательно показывали, что эти законы встречают большую поддержку населения²³.

Поворот Путина к национализму в 2013–2014 годах

Однако только к 2014 году национализм в явном виде начал играть центральную роль в обеспечении поддержки Путина и, соответственно, в стабилизации режима — по крайней мере, временной. Высказывания Путина прошлых лет (*подробный анализ заявлений Путина, связанных с националистической тематикой, см. в статье Хельге Блакисруда в настоящем выпуске — Прим.ред.*) показывают, что он последовательно предпочитал более широкую (“имперскую”) версию национализма более узкой (“этноцентричной”). Но использование национализма в качестве основного источника популярности Путина создавало риски: это могло расколоть путинский

электорат, поскольку два типа национализма в России находились в состоянии конфликта. Так, например, имперский тип предполагал наличие более широкого сообщества, которое включало бы, к примеру, украинцев, армян и, возможно, даже таджиков и узбеков, поскольку они разделяют с русскими глубокие исторические корни. Этноцентрическая точка зрения, в свою очередь, предполагает отделение “чистой” России именно от таких этнических групп. Поэтому в условиях, когда вопросы, связанные с национализмом, выходили на передний план, Путину нужно было действовать очень осторожно. Например, после беспорядков в Бирюлево в октябре 2013 он не стал следовать многочисленным призывам тех (включая множество его собственных сторонников), кто требовал ввести строгий визовый режим с республиками бывшего Советского Союза — но одновременно воздержался от прямого несогласия с ними и не поддержал предложение полностью отказаться от границы.

Так что же изменилось в 2014 году? Чтобы ответить на этот вопрос, полезно оценить изменения, затронувшие три фактора, из-за которых использование национализма в политических целях ранее казалось Кремлю неперспективным делом.

Во-первых, раньше другие партии более активно продвигали националистические идеалы, и было неясно, получит ли Кремль преимущество над этими партиями, если так же, как они, будет использовать националистическую риторику. Однако в 2014 году Кремль столкнулся с риском утраты контроля над националистическим дискурсом, и потому избегать его стало для властей более рискованно, нежели, наоборот, выдвинуть его на первый план. Ключевым событием стало свержение в феврале 2014 года украинского президента Виктора Януковича, которого Путин длительное время поддерживал как приверженца большей интеграции с Россией. Украинского лидера свергли силы, которые не только ставили в центр своей повестки вступление в Евросоюз, но и вынашивали планы, враждебные по отношению к самой России. Эти события резко ослабили позиции Путина как приверженца постсоветской реинтегра-

ции; более того, возникла реальная угроза, что Россия может потерять свою военную базу на территории Украины, имеющую жизненно важное значение для Черноморского флота в Крыму. Для Путина это означало, что если он не отреагирует решительно, то может потерять часть поддержки, которую перехватят у него партии, последовательно призывавшие к более жесткой политике — или, по крайней мере, эти силы могут перехватить у него важнейший идеологический инструмент, который затем смогут использовать против него. В таком случае разумнее было самому возглавить политизацию национализма, чем потом защищаться от тех, кто захочет воспользоваться этим оружием.

Во-вторых, если бы Путин перешел на националистические позиции раньше, он рисковал бы оттолкнуть от себя многих либералов и модернизаторов в главных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург; в этих социальных группах были люди националистических взглядов, но немало было и тех, для кого национализм был категорически неприемлем. Однако, как было сказано выше, к концу 2011 года, — когда они приняли участие в массовых протестах против фальсификаций на парламентских выборах — Путин уже в значительной мере утратил их поддержку. Это обстоятельство снижало политические риски, связанные с политизацией национализма, поскольку та часть общества, которую власть рисковала бы потерять, и без того уже отказала ей в поддержке. Кроме того, волна протестов 2011–2012 годов в значительной мере угадала к концу 2013 года, тогда как события на Украине могли вдохнуть в нее новую энергию: граждане, недовольные Путиным, могли увидеть в них надежду на то, что уличные акции действительно могут поменять режим. Все это требовало немедленной консолидации общественной поддержки — со стороны той части общества, которая была позитивно настроена по отношению к властям. Действительно, если бы власть позволила себе выглянуть слабой после потери Украины, это могло бы вдохновить тех националистов, которые принимали участие в протестном движении 2011–2012 годов, вновь выйти на улицы, и, возможно, даже в больших количествах, чем

раньше. Таким образом, перспектива возобновления уличных протестов заставила власти существенно пересмотреть оценку выгод и издержек политизации национализма. Внезапно разыгрывание националистической карты оказалось более безопасным вариантом.

В-третьих, аннексия Крыма представляла собой практически уникальную возможность избежать столкновения двух соперничающих ветвей российского национализма, о которых говорилось выше. Причина в том, что жители Крыма — это в основном этнические русские, а самое значительное крымское национальное меньшинство, украинцы — тоже славяне. Таким образом, для русского национализма нельзя представить себе лучшего подарка, чем присоединение Крыма: в результате территория России расширилась в направлении советских границ и одновременно страна получала пополнение, в первую очередь состоявшее из этнических русских. Кроме того, у этих территорий были и другие черты, которые делали аннексию политически привлекательной. Для начала, в Крыму уже и так стоял российский Черноморский флот, что позволяло объяснить аннексию стремлением защитить военные интересы страны; а кроме того, поскольку российские войска уже находились там, они могли содействовать присоединению и стать инструментом сдерживания для возможной военной реакции Украины. Поскольку Крым — полуостров, соединенный с остальной Украиной только узкой полоской земли, это создает естественные условия для надежной охраны крымских границ, а потому весь полуостров можно “отрезать” без большого труда. Наконец, Крым исторически связан с Россией и был передан из РСФСР в состав Украинской ССР только в 1954 году — событие, которое многие россияне считают волюнтаристским решением Никиты Хрущева, — поэтому большинство населения и так считало, что Крым на самом деле “российская земля”²⁴. И, хотя такие действия явно рисковали вызвать сильную негативную реакцию других стран, внутри самой России это могло быть представлено как противодействие мировому порядку, который действует вразрез с российскими интересами — противодействие, которое уже давно планировали путинские стратеги.

Присоединение Крыма, произошедшее вскоре после успешного проведения Россией Олимпийских Игр в Сочи в феврале 2014 года, само по себе не вызвало рост национализма. Вместо этого возник эффект “сплочения вокруг лидера”; Путин вновь обрел тесную связь с согражданами, которые уже долгое время разделяли националистические взгляды того или иного типа²⁵. Путин увенчал свой крымский маневр яркой речью, в которой представил себя защитником русской нации. Многие националисты, ранее настроенные против Путина, теперь стали его сторонниками. На Кремль активно работала мощная кампания в СМИ: действия в Крыму подавались как великодушное принятие обратно соотечественников, которые свободно проголосовали за выход из состава Украины и за возвращение в Россию после того, как в Киеве власть оказалась в руках “фашистской хунты”, чья цель — геноцид русских. Практически по всем оценкам поддержка путинского гамбита в Крыму была не только обширной, но и глубокой, вплоть до разрыва близких отношений с друзьями у тех немногих, кто открыто выражал скептическое или негативное отношение к произошедшему. Рейтинги общественной поддержки Путина взлетели, по некоторым данным, почти до 90% и с тех пор не опускались. В ноябре 2015 года, когда данный выпуск журнала готовился к печати, рейтинг одобрения Путина составил 85%²⁶. Многим Путин казался фактически непобедимым, поскольку теперь его поддерживали не только мощный репрессивный аппарат и жесткий контроль над СМИ, но и огромное большинство сограждан, которые выказывали ему бурное одобрение и видели в нем правителя на века. Таким образом, Путин лично стал центральной опорой того, что получило название “крымского консенсуса”²⁷. По крайней мере на некоторое время режим в России приобрел прочность и стабильность, основанные на широкой общественной поддержке; именно такая основа необходима патрональным президентам для того, чтобы преодолевать периоды ослабления и приближения возможной передачи власти.

Заключение

Таким образом, получается, что в России — стране, где циничное политическое манипулирование — привычное явление, одновременно важную роль может играть национализм. А значит, есть правда и в точке зрения, согласно которой центром российской политики являются внутренние неформальные сети, репрессии и коррупция — но справедливо и другое описание, которое подчеркивает способность Кремля устанавливать связь с широкими слоями общества на идейной основе: например, на основе национализма. Такая идейная связь укрепляет представление о том, что Путин у власти надолго, стабилизирует его режим и подавляет инициативу элит из его коалиции — в этих условиях им нет смысла искать альтернативные возможности и строить планы на будущее после Путина. Это не означает, что Кремль давно и последовательно использовал национализм для таких целей. На самом деле, с тех пор, как в 1999 году Путин приобрел популярность в стране, он добивался поддержки разными способами и, скорее, уклонялся от использования явно

националистических тем. Но ситуация изменилась в 2014 году, когда благодаря аннексии Крыма он завоевал одобрение и этноцентричных, и имперски настроенных российских националистов как раз в тот момент, когда казалось, что прежние ресурсы для общественной поддержки пошли на убыль. Правда, есть основания полагать, что крымский консенсус не гарантирует Путину вечной популярности в обществе, даже среди самих националистов. Отказавшись от аннексии новых территорий, он оттолкнул от себя некоторых имперски настроенных националистов, считавших, что нужно было воспользоваться историческим моментом и пойти дальше Крыма, но и не поддержал явно этноцентричный национализм, который также имел давних приверженцев среди россиян²⁸. Все это наводит на мысль, что крымский гамбит Путина едва ли может обеспечить ему спокойное десятилетие в президентском кресле; а значит, для политического выживания ему придется искать новые способы поддержки режима в следующие годы — начиная с цикла национальных выборов в 2016–2018 годах.

Примечания

- 1 DAWISHA K. *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* New York: Simon & Schuster, 2014; GESSEN M. *The Man Without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin*. New York: Riverhead Trade, 2013
- 2 ARON L. *Putinism*. American Enterprise Institute, 2008; TRENIN D. *Russia's Breakout from the Post-Cold War System: The Drivers of Putin's Course*, *Carnegie Working Papers*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2014; TSYGANKOV A. *The Strong State in Russia: Development and Crisis*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- 3 Автор благодарит Дилана Ройса за помощь в исследовании и Институт европейских, российских и евразийских исследований Университета Джорджа Вашингтона за финансирование его работы.
- 4 Хэйл Г. *Президентский режим, революция и демократия: сравнительный анализ Грузии, Киргизии, России и Украины* // Pro et Contra. 2008. Январь-февраль. №1. С.6-21; HALE H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press, 2015 (См. рецензию на эту книгу в настоящем выпуске - Прим. ред.).
- 5 HALE H. *Op. cit.*; TREISMAN D. *The Return: Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev*. New York: Free Press, 2011.
- 6 Александр Шмелев — во время дискуссионного круглого стола, опубликованного под названием «Перспективы авторитаризма в России», *Отечественные записки*, № 6, 2007, с. 41-61, с. 55
- 7 ГЕЛЛНЕР Э. *Нации и национализм*. М.: Прогресс, 1991. С.23.
- 8 LARUELLE M. *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. // Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2009; ROGOZA J. *Russian Nationalism: Between Imperialism and Xenophobia* // *European View*. 2014. № 13. P. 79–87; SZPORLUK R. *Dilemmas of Russian Nationalism* // *Problems of Communism*. Vol. 38, № 4. P. 15–35.
- 9 *Newsline* // Radio Free Europe/Radio Liberty. 1999 July 14.
- 10 MARCH L. *The Communist Party In Post-Soviet Russia*. Manchester, UK: Manchester University Press, 2002; URBAN J., SOLOVEI V. *Russia's Communists At The Crossroads*. Boulder, CO: Westview Press, 1997.
- 11 *Newsline* // Radio Free Europe/Radio Liberty. 1999. October 6.
- 12 *По словам Путина, Россия готова договариваться в Чечне с кем угодно, при условии выдачи террористов*, Масхадов «формально нелегитимен», а целью российских войск и властей является ликвидация терроризма и условий для его возрождения // *Polit.ru*. 1999. 21 октября. URL: <http://polit.ru/news/1999/10/21/538630/> (доступ 05.12.2015).

- 13 Впервые с начала года количество сторонников продолжения реформ превысило противников. Левада характеризует общественно-политическую ситуацию в России в сентябре 1999 г. // Polit.ru. 1999. 12 октября. URL: <http://polit.ru/news/1999/10/12/538170/> (доступ 05.12.2015).
- 14 Там же.
- 15 Доверие к Путину, действиям правительства и связанные с этим президентские ожидания растут на фоне пессимизма населения относительно чеченской кампании — свежие опросы ВЦИОМ // Polit.ru. 1999. 12 октября. URL: <http://polit.ru/news/1999/10/22/538681/> (доступ 05.12.2015).
- 16 McALLISTER I., WHITE S. "It's the Economy, Comrade!" Parties and Voters in the 2007 Russian Duma Election // Europe-Asia Studies. Vol. 60, № 6. P. 931–957; TREISMAN D. *Op. cit.*
- 17 COLTON T., HALE H.E. *The Putin Vote: Presidential Electorates in a Hybrid Regime* // Slavic Review. 2009. Vol. 68, № 3. P. 473–503; ИДЕМ. *Putin's Uneasy Return and Hybrid Regime Stability: The 2012 Russian Election Studies Survey* // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61, № 2. P. 3–22.
- 18 *Ibid.*
- 19 Путин: некоторые твердят до сих пор о необходимости раздела нашей страны // Polit.ru. 2007. 4 ноября. URL: <http://polit.ru/news/2007/11/04/putin/> (доступ 05.12.2015); *Newsline* // Radio Free Europe/Radio Liberty. 2007. October 30, November 21, November 29; различные новостные выпуски, которые автор видел 1 декабря 2007 года в России.
- 20 Например, "Воскресное время" // Первый канал. 2011. 27 ноября. 21:00 по Московскому времени.
- 21 PETROV N., LIPMAN M., HALE H.E. *Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin* // Post-Soviet Affairs. 2013. Vol. 30, №1.
- 22 Россияне о деле Pussy Riot // Левада-центр. 2012. 31 июля. URL: <http://www.levada.ru/2012/07/31/rossiyane-o-dele-pussy-riot/> (доступ 05.12.2015).
- 23 Россияне о репрессивных законах // Левада-центр. 2013. 25 ноября. URL: <http://www.levada.ru/old/25-11-2013/rossiyane-o-repressivnykh-zakonakh> (доступ 07.12.2015); Граждане поверили во вред иностранного усыновления // Левада-центр. 2014. 3 февраля. URL: <http://www.levada.ru/old/03-02-2014/grazhdane-poverili-vo-vred-inostrannogo-usynovleniya> (доступ 07.12.2015).
- 24 Только 7% россиян считают чеченцев русскими // Polit.ru. 2013. 10 сентября. URL: <http://polit.ru/news/2013/09/10/russkie/> (доступ 05.12.2015).
- 25 ALEXSEEV M., HALE H.E. *A New Wave of Russian Nationalism? What Really Changed in Public Opinion after Crimea* // Ponars Eurasia Policy. 2015. May. №362. URL: <http://www.ponarseurasia.org/memo/new-wave-russian-nationalism> (доступ 07.12.2015).
- 26 Ноябрьские рейтинги одобрения и доверия // Левада-центр. 2015. 25 ноября. URL: <http://www.levada.ru/2015/11/25/noyabrskie-rejtingi-odobreniya-i-doveriya-3/> (доступ 06.12.2015).
- 27 ИВАНОВ М., КОРЧЕНКОВА Н., ГОРЯШКО С. Один в большинстве // Коммерсантъ. 2014. 26 декабря. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2641017> (доступ 05.12.2015).
- 28 KOLSTØ P. *Crimea vs. Donbass: How Putin Won Russian Nationalist Support — and Lost It Again* // paper presented at ICCEES world convention. 2015. August 5.